

Дела театральные

Бенефис человеческих чувств

Алексей МИНКИН

Улица Гарибальди. Юго-Запад Москвы. Застывший гимн пятиэтажек. Но сегодня среди них Новым Черемушкам незасорно бы исполнить гимн иному детищу - творческому юбилею, бенефицианту...

Студийная волна, с бушующей силой накатившая на нас в конце 1980-х, вынесла на сценическое побережье столицы немало даровитых коллективов. Преобразовываясь в профессиональные и занимая свое исключительное место на тверди московских подмошков, они, как правило, сберегли присущую им направленность. При внешней легкости подачи большинство из них сохранило верность театру вдумчивому, созерцательному, серьезному. К такому относится и труппа Анны Наровой, отмечающая сезоном 1998/99 первое десятилетие.

Да, где только не прижились за прошедшие годы наши составившиеся и будущие кименинники. Театры «У Никитских ворот» и «На Покровке» обжили бывшие коммуналки. Подвальная эстетика «приглянулась» «Школе драматического искусства», «Человеку» и студии Табакова. Синемаатографы или дома культуры облюбовали труппы Спесивцева, Джигарханяна, «Вернисажа», «Шалом» и «Лаборатории». Театр Калягина приютил один из ведомственных конференц-залов, а Чихачева - и вовсе актовый зал хлебозавода. Впрочем, и помещения «бенефиса» не из стандартных. Его дом искусство отделанное здание ЖЭКа. А где как не в ЖЭКах в свое время кипела обиходная жизнь, пугались бытовые отношения, бурлили человеческие натурой! Так не в связи ли со специфическим кровом психология человека, его поведение и чувства стали основным объектом творческого изучения «бенефиса»? Но нет. Безусловно, это шуточные домыслы. А

если говорить всерьез; то, отправившись на Гарибальди, 23, впервые, я ехал не только открыть новый театр или посмотреть премьеру, сколько в очередной раз соприкоснуться с удивительным миром Мрожека.

Каюсь: к театру парадокса вообще и Мрожеку в частности питаю определенную слабость. Тем более «Летний день» названный

«бенефисом» «Любовным турне», вещь не самая известная. Однако то обнажение человеческой природы, те перипетии взаимоотношений, те вечные истины, что с бесподобной иронией выстроили постановщица и актеры, заставили абстрагироваться от знаменитого польского драматурга. Ведь по большому счету дело не в нем, не в его имени и таланте, а в том, насколько талантливо и тонко удалось определение и изображение известных всем ценностей именно «Бенефису». И в том, как ответил на это зритель...

Любовь, преданность, нужда в себе подобном - что ж, судя по зрительской реакции, сии проявления надежно защищены эстетической твердней черемушкинских «бенефициантов». Столкновение чувств и психологий в «Любовном турне» вовсе не абсурдно и не алогично. Молодых людей - пресыщенного жизнью

и познавшего все Уда (Г. Новиков) и наивного горемыку - романтика Неуда (А. Козлов), обоюдно разочаровавшихся в существовании и решивших в жаркий день на берегу моря, свести с ним счеты, спасает Дама (О. Ковылина). Надменная и даже, кажется, холодная, она и сама вдруг начинает меняться. В ней, вымещая друг друга и изливаясь

наружу, просыпаются личностные особенности. Клубок внутренних противоречий, разматываясь, стелится пред нами жалостью, интересом и, главное, удивлением от того, что Неуд, к примеру, предлагает ей собственную любовь, не требуя взаимности. Героиня в смятении, но в итоге... В итоге все - или почти все - как у Мрожека. Решающее слово за непредсказуемостью.

Между тем непредсказуемо - а потому захватывающе - развивается сюжет другой психологической находки театра. Правда, в отличие от «Турне», премьеры 1998 г., «Уличная ласточка» Н.Садур «нашлась» много раньше. Это один из ранних спектаклей «Бенефиса», и, кроме штатных актеров театра, в нем заняты приглашенные знаменитости: А.Каменкова (Аллочка), Е.Ивочкина (Дарья), Е.Князев (Андрей). И вновь парад че-

ловеских чувств - сложных, импульсных, зачастую жестоких. Показы душ, вывороченных наизнанку. Чем не своеобразный бенефис, торжество любителей и знатоков Достоевского, Гоголя, Чехова, а если хотите, и Фрейда с Кафкой? Пестра и здесь палитра людских типов, но опять-таки не одномерна. И если безвольный Андрей и деловитопрактичная, знающая, что нужно ей в этом мире, Лиза (О.Ковылина) прописаны достаточно четкими линиями (на первый взгляд - ибо осилить прагматику или малодушие, в которых сформировался, суждено не каждому), то Алла с Дарьей - сплошные полутона и многоочья. Нет, главную героиню, вроде бы порхающую по жизни без особых привязанностей и ловко маскирующуюся под душевнобольную, в конце концов уличают. Только вот недаром при обвинении звучит мысль о том, что мир еще не дорос до своей обитательницы. Не в то время умудрилась запорхнуть сюда Ласточка. А потому жесткая (точнее, ожесточившаяся после смерти племянника, связанной с обвиняемой) обвинительница должна была предоставить последний шанс уличаемой, не так судить - ибо таким судом сама будет судима. Надо понять и, по-видимому, простить - ведь «не убий» это и о разговорном слове. Увы, методичные фразы в упор, подготовленные залпы предложений подтолкнули к суровой развязке. Какой? Лучше увидеть своими глазами. И понять. Ведь театр - по крайней мере такой, как в Черемушках, - бенефис двойной или, точнее, двойственный. Актеры выстраивают наши чувства на сцене, мы отдаем им тепло признательности из зала. А торжество - в том числе и в дни юбилея - выковывается общее...

На снимке: Дама - О.Ковылина, Уда - Г.Новиков («Любовное турне»).

Фото Вячеслава МИТИНА.